

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Экономическая политика государства

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАЕКТОРИЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИУМ*

Ирина Анатольевна ПАВЛОВА ^{a,*},
Ольга Павловна НЕДОСПАСОВА ^b

^a кандидат экономических наук, доцент Школы инженерного предпринимательства,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ),
Томск, Российская Федерация
iapav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>
SPIN-код: 8002-4768

^b доктор экономических наук, профессор Школы инженерного предпринимательства,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ),
Томск, Российская Федерация
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>
SPIN-код: 1356-4741

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 15/2021
Получена 14.01.2021
Получена в
доработанном виде
29.01.2021
Одобрена 15.02.2021
Доступна онлайн
15.03.2021

УДК 332.14:
316.346.32-053.9
JEL: J01, J11, J14, J24

Аннотация

Предмет. Социально-экономическая эффективность траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум на примере индикаторов трудовой активности в разрезе российских регионов.

Цели. Концептуализация, разработка и апробация методического подхода к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности лиц старшего возраста в региональный социум с позиций индивида, работодателя, общества.

Методология. Используются методы логического и сравнительного анализа, системный подход, методы статистического анализа для микроданных комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат) и по трудовой активности старшего поколения в российских регионах.

Результаты. Систематизированы траектории вовлеченности старшего поколения с позиции ресурсного потенциала. Представлен методический подход для изучения траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум. Подтверждена необходимость, возможность и перспективность развития предлагаемого подхода к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности лиц старшего возраста в региональный социум с позиций индивида, работодателя, общества.

Выводы. Предложенный методический подход к оценке

Ключевые слова: старшее поколение, занятость, вовлеченность, трудовая активность, социально-экономическая эффективность

социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум, предполагающий исследование вовлеченности как процесса перехода от активного трудоспособного состояния к нетрудоспособному с обязательным включением в анализ лиц предпенсионного возраста, расширяет исследовательские возможности, позволяет выйти при изучении данного явления за формальные границы пенсионного возраста.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Павлова И.А., Недоспасова О.П. Методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 500 – 537.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.3.500>

Введение

Характерные для России исследования старения преимущественно в терминах угроз (как неотвратимость усиления нагрузки на систему пенсионного обеспечения, здравоохранения и социального обслуживания) в последние годы претерпевают существенную трансформацию. Меняется как общий фокус отношения к старению, так и его акценты. Все более значимым становится признание многокритериальности в оценках старения, многосубъектности социальной политики в отношении пожилых людей, нелинейности жизненных траекторий человека на различных этапах его биографии. На смену преимущественно фискальным подходам к оценке потенциала пожилых людей приходит понимание его масштабности и ценности для экономической и общественной жизни индивида, его ближнего окружения, общества в целом, необходимости преодоления институциональных барьеров вовлеченности пожилых людей в социум.

Данная статья посвящена концептуализации, апробации и оценке эффективности различных траекторий вовлеченности граждан старшего поколения в региональный социум, позволяющих наиболее полно реализовать трудовой и личностный потенциал человека и максимально удлинить период автономии пожилых людей (продлить время самообслуживания при проживании в привычном месте, развить навыки заботы о себе, «культуры старения», минимизировать внешнюю помощь и (или) отсрочить зависимость от нее).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 19-18-00300 «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения».

Представленный методический подход позволяет оперативно операционализировать имеющиеся данные по благополучию старшего поколения, привести их к единой системе количественных и качественных показателей, в том числе в динамике. В настоящей работе делается попытка систематизации подходов к измерению и оценке эффективности различных траекторий вовлеченности представителей старшего поколения с точки зрения личности, работодателя и общества в целом. В качестве примера апробации представлены показатели трудовой активности в разрезе российских регионов.

Алгоритм комплексной оценки социально-экономической вовлеченности граждан старшего поколения в региональный социум на различных этапах их жизненной траектории

Вовлеченность пожилых людей в региональный социум представляет собой двусторонний процесс, инициаторами которого в равной степени могут быть как сами представители старшего поколения, так и их близкие, родные, друзья, коллеги по работе, работодатели (прежние и нынешние), люди со схожими интересами и потребностями, представители местного сообщества и органов власти различного уровня, формальных и неформальных союзов и организаций.

Анализ лучших мировых и отечественных практик вовлеченности граждан старшего поколения в социум обнаруживает наличие множества вариантов формирования соответствующих траекторий, которые различаются не только в зависимости от социального и экономического статуса личности и условий жизни человека, но и институциональных рамок, степени государственной и общественной активности в формировании данных траекторий, сочетание которых предопределяет их персонифицированный выбор.

Систематизация дифференцированных траекторий вовлеченности пожилых людей может быть реализована на основе ресурсного подхода, в основе которого лежит концепция ресурсного потенциала старшего поколения. Такой подход позволяет рассматривать старшее поколение не только с позиции потребителей экономических благ, но и как производителей значимых социально-экономических ценностей. Безусловно, в этом ключе невозможно представителей старшего поколения рассматривать как единую гомогенную группу. Как минимум выделяется один из важнейших критериев декомпозиции всех пожилых людей как представителей «третьего» и «четвертого» возраста. Здесь важно применять такой серьезный и международно признанный критерий (по методологии ООН), как декомпозиция пожилых людей на представителей так называемых «третьего» (60–74 года) и «четвертого» возрастов (75–89 лет),

в том числе выделять в отдельную социальную группу долгожителей (граждан 90 лет и старше)¹.

Переход от «третьего» к «четвертому» возрасту характеризуется значительными изменениями в социально-экономических ролях, которые играют пожилые люди, а также изменениями в состоянии здоровья, мотивации и паттернах потребления. Этот переход не носит безусловного и (или) универсального характера, он может не иметь четко выраженной связи с возрастом человека. Его зачастую связывают с фактором здоровья, хорошее или субъективно удовлетворительное (стабильное) состояние которого позволяет пожилым людям вести независимую жизнь до определенного возраста, после наступления которого у пожилых людей снижаются шансы на поддержание привычного для них уровня автономии, комфорта и безопасности самостоятельной жизни. Они все чаще нуждаются в эпизодической и (или) постоянной медицинской помощи, долгосрочном уходе, социальном обслуживании. Не существует четкого разграничения между данными возрастными категориями, которые, скорее, определяются рядом факторов, характерных для конкретных демографических и социально-экономических условий. Так, в развитых странах к «третьему» возрасту могут относить возраст 65–79 лет, а к «четвертому» – 80 лет и старше [1]. Хотя значительные изменения в здоровье зачастую уже характерны при достижении 75 лет и старше [2].

Ресурсный потенциал старшего поколения можно определять как сумму шести основных компонентов: здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный потенциалы [3]. Именно представителей «третьего» возраста рассматривают как обладателей значимых социально-экономических ресурсов [4]. Однако если ресурсный потенциал рассматривать как возможность и способность к генерации не только экономических, а также важных социально-культурных ценностей, то следует расширять трактовку ресурсного потенциала старшего поколения. Мы предлагаем рассматривать ресурсный потенциал как системную категорию, которая требует комплексного анализа через социально-экономические траектории вовлеченности в региональный социум. Безусловно, тип старения в России характеризуется как социально-патологический, для него характерна крайне низкая продолжительность жизни, когда существенная доля населения не доживает до пенсионного возраста [5]. Вместе с тем «крепкое здоровье», будучи ядром ресурсного потенциала личности, называется в качестве одной из главных социальных

¹ World Population Prospects 2019: Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections (ST/ESA/SER.A/425). United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Methodology.pdf

ценностей различных поколений в России [6]. Продолжительность жизни в России и потенциал здоровья старшего поколения все еще отстают от аналогичных показателей в развитых странах, однако с учетом их роста актуальным становится вопрос постоянной оценки и мониторинга возможностей реализации ресурсного потенциала старшего поколения через траектории, группировка которых в обобщенные блоки представлена далее.

1. Траектории блока «Ресурсы пожилых людей как производителей». Ресурсы пожилых людей как производителей оцениваются через их участие на рынке труда и в домашнем хозяйстве в рамках траекторий: 1.1) трудовая активность в качестве наемного сотрудника; 1.2) самозанятость и предпринимательство; 1.3) занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ).

Данное направление является одним из самых простых для анализа, так как в России достаточно хорошо структурирована система показателей, использующихся для описания рынка труда и трудовых отношений. Сравнивая различные аспекты удовлетворенности пожилых людей работой, следует отметить, что они, как правило, дают более высокие оценки нематериальным мотивам для продолжения занятости в экономике (в сравнении с материальной заинтересованностью): их оценки удовлетворенности выполняемыми обязанностями, профессиональной и моральной удовлетворенности оказались выше (а иногда существенно выше), чем удовлетворенность заработком. Не преуменьшая значимости дохода для граждан старшего возраста, отметим, что их желание реализовать себя и получать моральное и профессиональное удовлетворение при отмеченных ими относительно хороших условиях труда и вполне благоприятном режиме работы является (как для мужчин, так и для женщин старшего возраста независимо от места проживания) важным драйвером поддержания высокой вовлеченности в социум.

2. Траектории блока «Ресурсы пожилых людей как потребителей». Ресурсы пожилых людей как потребителей оцениваются по разным направлениям затрат на приобретение товаров и услуг в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в том числе специализированных высокотехнологичных товаров, формирование спроса на новые товары (в том числе обуславливающий создание и развитие новых рынков): 2.1) текущее потребление; 2.2) приобретение товаров длительного пользования и образовательных услуг; 2.3) создание спроса на новые и высокотехнологичные товары; 2.4) создание спроса на специализированные сервисы и консультационные услуги (медицинско-санаторные, социальные, юридические, финансовые, информационные, услуги и сервисы по эмоционально-психологической поддержке и др.).

Данное направление также достаточно хорошо представлено как в открытых данных Росстата, так и в долгосрочных обследованиях, поскольку вопросы потребления в целом, потребительского поведения, структуры «потребительской корзины», приобретения товаров длительного пользования постоянно отслеживаются. К траектории 2.1 относятся, как правило, товары и услуги повседневного спроса. К траектории 2.2 относятся товары длительного пользования, дорогостоящие товары, а также в общем экономические блага, стоимость которых весьма ощутима для семейного бюджета, а их приобретение требует осуществления определенных накоплений. В целом данный блок траекторий можно рассматривать в ключе как текущего спроса на экономические блага, так и потенциального запроса на создание специализированных экономических благ, ориентированных на удовлетворение потребностей лиц старшего поколения.

Траектории 2.3 и 2.4 оценивать прямолинейно достаточно проблематично. Скорее, эти траектории можно оценивать косвенно, через изменения показателей медицинской помощи (количество обращений, госпитализаций, профосмотров и т.д.), расширение навыков использования ИКТ и рост цифровой грамотности, запросы на специальные социальные услуги, активное вовлечение в занятия физической активностью и спортом, разнообразие мероприятий в свободное время (от развлекательно-познавательных мероприятий и хобби до садоводства/животноводства) и т.д. Отдельно изменение запросов старшего поколения и востребованность новых продуктов может оцениваться через исследования рынков и анализ динамики потребительского поведения и предпочтений старшего поколения как конкретной целевой аудитории (например, показатели увеличения в количестве, охвате и доступности протезирования и высокотехнологичных операций или внедрение устройств и сервисов «умного дома» в быту и т.п.).

3. Траектории блока «Ресурсы пожилых людей, формирующие сети поддержки разных поколений». Ресурсы пожилых людей, формирующие сети поддержки разных поколений, предполагают формирование и укрепление социальных связей в ближнем и дальнем кругах взаимодействия в рамках межпоколенческих сетей поддержки: 3.1) помощь и взаимодействие с младшими; 3.2) помощь и взаимодействие с лицами еще более старшего поколения (представителями так называемого «четвертого» возраста); 3.3) помощь и взаимодействие с людьми своего (примерно своего) возраста/поколения.

Для данного направления необходимо разделять взаимодействия представителей старшего поколения в контексте межпоколенческих отношений, то есть принципиально важно понять, как старшее поколение

выстраивает социальные контакты и взаимодействия: а) с теми, кто младше (детьми, внуками, правнуками); б) с людьми близкого возраста (сверстниками); в) с теми, кто старше (родителями, бабушками/дедушками, прабабушками/прадедушками). Эти социальные связи и контакты касаются как ближнего, так и дальнего круга общения, они предполагают двустороннюю помощь (пожилые люди здесь могут быть как субъектами, оказывающими помощь/поддержку, так и объектами (реципиентами) помощи/поддержки). Межпоколенческие взаимодействия обеспечивают возможность сохранения «ценностного каркаса» динамично развивающейся социальной системы через передачу и преемственность социальных норм и институтов, солидарность разных поколений в принятии норм и правил, непрерывность межпоколенческих трансфертов (денежных, трудовых, временных) и т.д. [6].

4. Траектории блока «Социальные и культурно-политические ресурсы старшего поколения». Социальные и культурно-политические ресурсы старшего поколения рассматриваются как значимые взаимодействия в рамках регионального социума по следующим траекториям: 4.1) волонтерская и добровольческая деятельность; 4.2) общественно значимая деятельность по месту своего жительства, в своем районе на благо своего сообщества (*community development*); 4.3) участие в политической жизни; 4.4) вовлеченность в общественно-культурную жизнь.

Данное направление весьма разнообразно, и охватывает вовлеченность пожилых людей в различные аспекты социальной, культурной, политической жизни региона. Траектории этого блока предполагают не просто участие, но и организацию общественно значимых видов деятельности (волонтерство, добровольческая деятельность, спортивные и развлекательные мероприятия, социально-значимые инициативы на благо района, города, региона). Старшее поколение рассматривается как значимый социальный ресурс при мобилизации коллективных действий в рамках своего сообщества и уже играет важную роль в информационном обмене со своими сверстниками – они могут делиться своими впечатлениями и отзывами о качестве социальных, медицинских, информационных и иных услуг, что считается особенно актуальным и ценным для пожилых людей, нуждающихся в помощи или переживающих аналогичный жизненный опыт [7].

Такую грань ресурсного потенциала пожилых людей можно отнести к их экспертной активности, роль которой в современном цифровом обществе становится все более и более значимой. При этом экспертное мнение пожилых людей может быть ценно не только для их сверстников, но и для более молодых людей. Именно здесь могут быть найдены новые форматы

помощи пожилых людей молодым родителям при уходе за детьми, в патриотическом воспитании молодежи, для изучения истории страны и малой родины на примерах конкретных биографий.

Старшее поколение в данной статье рассматривается без привязки к определенным возрастным границам; рассматривается сам процесс – переход от активного трудоспособного возраста к нетрудоспособному. Здесь уместно говорить о концепции *Life Course* (жизненного пути), которая предполагает гибкость и проницаемость возрастных границ [8]. Парадигма «жизненного пути» предполагает многоуровневые структурные процессы, реализуемые через переплетение социальных возрастно-градуированных траекторий [9]. Наступление пенсионного возраста не является маркером прекращения вовлеченности в социально-экономическую деятельность. Пенсионный возраст – это, скорее, клишированный стереотип, обозначающий формальную границу трудоспособного возраста, нормативно закрепленного в законодательстве. Неформально наступление пенсионного возраста зачастую ошибочно рассматривается обществом как время прекращения всяческой социально и экономически значимой активности. Именно такой стереотип предполагает рассмотрение глобального старения в терминах неминуемой катастрофы или, по крайней мере, как весьма нежелательного явления. На самом деле старение населения, которое сейчас переживают как экономически развитые, так и развивающиеся страны, является ничем иным как ярким *«...триумфом развития, а увеличение продолжительности жизни является одним из самых больших достижений человечества»*².

Для оценки социально-экономической активности представителей старшего поколения на различных этапах жизненной траектории предлагается в рамках указанных ранее направлений разработать систему индикаторов, которые соответствуют задачам исследования, и оценивать активность для разных возрастных групп с шагом в пять лет, начиная с предпенсионного возраста (50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70–74, 75–79, 80+).

Включение в анализ предпенсионного возраста позволит определить фазовый переход, то есть некий переломный момент в социально-экономической активности по конкретной траектории от скорее активной позиции к неактивной. В силу существенных различий по показателю продолжительности жизни для женщин и мужчин рекомендуется проводить данную оценку не только в разрезе разных возрастных групп, но и при возможности по половому признаку.

² Aging in the Twenty-First Century: A Celebration and a Challenge. UNFPA & Help Age International, 2012, 190 p.

Формирование системы показателей для оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности лиц старшего поколения в региональный социум является достаточно непростой задачей, так как возможности для ее решения ограничены, в первую очередь источниками данных.

**Этапы комплексного оценивания (методики)
социально-экономической эффективности вовлеченности
старшего поколения в региональный социум**

Оценивание социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум предполагает несколько последовательных этапов.

1. *Определение цели, задач исследования.* Система показателей формируется в зависимости от целей и задач исследования. Это может быть, например, анализ в разрезе российских регионов или анализ по России в целом по половому признаку для мужчин и женщин отдельно. Это может быть анализ за определенный период времени или несколько временных периодов. Это также может быть анализ траекторий вовлеченности старшего поколения только для одного конкретного региона. Следовательно, система показателей может отличаться и отражать специфику конкретного исследования.

2. *Определение заинтересованных сторон.* В зависимости от уровня легитимности, соотношения сил и особенностей взаимодействия ключевых стейкхолдеров могут корректироваться как сами траектории, так и система показателей. Ключевыми заинтересованными лицами могут быть: а) национальные, региональные или муниципальные органы власти; б) коммерческие и некоммерческие организации; в) адресные социальные службы и сервисы поддержки пожилых лиц; г) объединения представителей старшего поколения; д) исследовательские группы и т.д.

3. *Выбор траекторий по типу ресурсного потенциала.* В данной статье будут приведены 14 укрупненных траекторий по четырем видам ресурсов старшего поколения (в соответствии с концепцией ресурсного потенциала лиц пожилого возраста [10]). Данная классификация траекторий построена эмпирическим путем и не является исчерпывающей. Траектории могут добавляться и уточняться по мере появления дополнительных знаний и информации о подходах и способах реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

4. *Определение источников данных.* Источники данных являются критически важными для оценки эффективности траекторий вовлеченности. В зависимости от целей и задач исследования определяется

круг источников данных. Если масштаб анализа предполагает национальный охват (все регионы или часть регионов РФ, но с репрезентативными данными), то следует ориентироваться на примеры источников данных, приведенных далее в данном исследовании. Если же масштаб исследования предполагает изучение одного конкретного региона (территории), то можно воспользоваться данными регионального статистического ведомства, региональных социальных служб, территориальных органов власти и т.д. Также возможно проведение специального регионального социологического исследования по выбранной системе показателей.

5. *Формирование системы показателей.* Система показателей может быть выстроена опционально, в зависимости от целей и задач исследования. Система показателей должна быть прозрачной и достаточной для корректной оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум. При реализации оценки для каждого отдельного региона РФ возможно добавление показателей, отражающих региональную специфику траекторий вовлеченности (занятость, культурная жизнь, межпоколенческие взаимодействия и т.д.).

6. *Сбор данных по возрастным группам.* Данные желательно собирать за несколько временных периодов (больше двух), чтобы имелась возможность оценки траекторий на предмет изменений в динамике. Данные за два временных периода позволяют проводить сравнения, но этого недостаточно, чтобы говорить о динамике изменений.

7. *Оценка «фазового перехода»* (значимого изменения в значениях показателей при переходе от одной возрастной группы к другой). Оценка проводится по значениям показателей для различных возрастных групп для определения момента, который является переломным для данной траектории вовлеченности – в каком возрасте представители старшего поколения перестают участвовать в значительной мере в направлениях деятельности, включенных в данную траекторию.

8. *Анализ причин и последствий «фазового перехода»* между различными возрастными группами. Проводится анализ потенциальных причин сокращения вовлеченности лиц пожилого возраста по соответствующим траекториям, а также возможных последствий снижения уровня вовлеченности.

9. *Оценка динамики изменений* за несколько временных периодов. Проводится для нескольких периодов в целях выявления положительных, отрицательных, нейтральных трендов по траекториям социально-

экономической вовлеченности. Рекомендуется рассматривать оценку для всех траекторий комплексно, так как существует ряд показателей, которые при прочих равных условиях могут использоваться для описания разных траекторий, и несколько траекторий будут взаимно дополнять друг друга.

10. *Формулирование выводов и рекомендаций* для заинтересованных сторон с различных позиций: индивида, работодателя, общества. Выводы и рекомендации не могут быть однотипными для разных участников, так как индивиды (пожилые люди), работодатели и общество в целом имеют различные побудительные мотивы, ожидания, требования к благополучию старшего поколения и критерии эффективности траекторий вовлеченности. Следовательно, в результате могут быть сформированы как минимум три группы выводов и рекомендаций, ориентированных на повышение социально-экономической вовлеченности пожилых людей в региональный социум.

Источники данных для проведения оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в социум

Исследовательские задачи по выявлению траекторий вовлеченности могут быть реализованы только при наличии открытых данных по старшему поколению, которые собираются систематически по обширному спектру вопросов. Источники данных могут быть следующие.

1. *Открытые данные, публикуемые Росстатом, например раздел «Старшее поколение»³* или отдельные формы федерального статистического наблюдения. В разделе «Старшее поколение» приводятся данные по: а) общим демографическим показателям; б) пенсионному обеспечению граждан пожилого возраста; в) мерам социальной поддержки; г) средней начисленной заработной плате и численности работников по группам занятий, возрастным группам и полу; д) занятости и безработице; е) использованию населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей; ж) социальной активности граждан пожилого возраста; з) условиям проживания граждан пожилого возраста.

2. *Долгосрочное обследование «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» Высшей школы экономики (РМЭЗ НИУ ВШЭ)⁴*. Указанное обследование домохозяйств представляет собой серию

³ Старшее поколение. Федеральная служба государственной статистики.

URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины

ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки (в базе представлены все наблюдения, начиная с 1994 г.).

3. *Обследование «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖ)*⁵, проводимое Росстатом один раз в два года, начиная с 2011 г. Комплексное наблюдение условий жизни населения организуется во всех субъектах Российской Федерации с охватом в 2016 г. 60 тыс. домохозяйств. Уровень представительности результатов – в целом по Российской Федерации, городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по отдельным социально-демографическим группам населения. На текущий момент можно говорить о сформированной базе данных по России за 2011, 2014, 2016, 2018 гг. Очередное обследование, запланированное на 2020 г. (КОУЖ – 2020), предполагалось реализовать в два этапа: I этап – до 23 октября 2020 г., II этап – до 2 ноября 2020 г.

3. *Европейское социальное исследование (European Social Survey, ESS)*⁶ – академическое научное сравнительное межстрановое исследование, которое проводится методом опроса населения каждые два года в большинстве европейских стран с 2001 г. Целью ESS является измерение установок, представлений, мнений и поведения населения более 30 европейских стран.

4. *Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)*⁷. Зачастую открытые данные Росстата имеют определенные ограничения для их декомпозиции по возрастным группам. Обычно можно выгрузить показатели для граждан пенсионного возраста или в лучшем случае по возрастным группам 50–54, 55–59, 60–72, как это представлено в формах по использованию населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. В данном случае для оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум наиболее подходящими источниками являются долгосрочные обследования. Эти источники данных являются открытыми и позволяют использовать микроданные для сортировки по полу и возрасту.

В условиях высокой степени гетерогенности социально-экономических условий регионов Российской Федерации желательно проводить

в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://cps.unc.edu/projects/rlms>; URL: <http://hse.ru/rlms>

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

⁶ Европейское социальное исследование в России. European Social Survey. URL: https://europeansocialsurvey.org/about/country/russian_federation/index.html

⁷ База социологических данных ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/>

комплексную оценку вовлеченности в разрезе всех российских регионов. К сожалению, такие возможности весьма ограничены. В РМЭЗ НИУ ВШЭ доступны данные по ряду российских регионов, но репрезентативны только те данные, которые характеризуют Россию в целом. По данным КОУЖ возможно проводить анализ по всем российским регионам при условии наличия достаточного количества ответов по соответствующему вопросу. У РМЭЗ НИУ ВШЭ и КОУЖ имеются несколько типов вопросников – индивидуальные вопросники и вопросники для домохозяйств, что расширяет возможности анализа, позволяя делать выборку по вопросам как на основе данных индивидуального обследования, так и обследования домохозяйств.

Социально-экономическая эффективность траекторий вовлеченности со стороны индивида, работодателя, общества

Социально-экономическая эффективность является понятием комплексным и сложносоставным. Классические подходы к определению эффективности, как показателю относительному, демонстрирующему соотношение затрат и результата, предполагают, что экономическая эффективность может рассматриваться как результативность, экономичность, прибыльность, производительность и т.д. Однако современные расширенные трактовки эффективности позиционируют ее как довольно обширную системную категорию, формирующуюся под воздействием множества факторов, которая в том числе предполагает оценку таких параметров, как качество (продукта), качество трудовых отношений, инновации [11]. Социальная эффективность – категория еще более широкая и слабо детерминированная в научном плане, зачастую соотносящаяся с достижением социальных целей, соответствием социальным нормативам и социальному развитию [12].

Именно социальная эффективность все чаще становится главным условием преодоления конфликта интересов и изыскания возможностей для их согласования у различных «клиентских групп» современного общества, дифференцированных по возрасту, полу, этнической принадлежности, состоянию здоровья, уровню образования, доходов, типу социального и потребительского поведения и т.д.⁸ Ресурсный подход предполагает поиск соответствия между уровнем и характером ресурсного потенциала индивида через подбор специальных технологий деятельности и ресурсным потенциалом системы институтов и общества в целом [13]. Признание таких «внутренних дефектов» традиционного понимания социальной эффективности, как избыточный патернализм и бюрократизация

⁸ Канаева О.А., Пруель Н.А., Судова Т.Л. и др. Социальная политика государства и бизнеса: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 348 с.

постепенно приводит к осознанию возможности, необходимости и целесообразности определения критериев социальной эффективности через измерение результатов социальных вмешательств [14].

На региональном уровне социальные аспекты эффективности становятся приоритетными, в то время как экономические аспекты эффективности рассматриваются как средства достижения социальных целей [11]. Качественную составляющую оценки социально-экономической эффективности часто связывают с благосостоянием нации, что предполагает применение в качестве критериев социально-экономической эффективности увеличение (максимизацию) народного благосостояния, наиболее полное удовлетворение потребностей членов общества [15]. При разработке методики оценки региональной социально-экономической эффективности регион рассматривается как система, а оценка социально-экономического развития региона строится на основе ряда принципов: системности, комплексности, сопряженности, долговременности, непрерывной изменчивости, достаточности и т.д. [16]. Эти принципы также могут использоваться для оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности лиц старшего возраста в региональный социум:

- *принцип системности* предполагает анализ взаимосвязанных траекторий вовлеченности, так как сама концепция ресурсного потенциала основана на комплексном характере ресурсов старшего поколения;
- *принцип комплексности* учитывает в оценке все внешние и внутренние факторы, которые воздействуют и определяют специфику социально-экономического развития отдельно взятого региона;
- *принцип сопряженности* – траектории вовлеченности отдельного региона не могут быть изолированными и повторяют паттерны социально-экономического развития страны (макроуровень) с учетом региональной специфики (мезоуровень);
- *принцип долговременности* предполагает оценку траекторий не статично, а в динамике, в контексте стратегического развития конкретного региона;
- *принцип непрерывной изменчивости* – результаты оценки траекторий вовлеченности применимы только на ограниченном промежутке времени;
- *принцип достаточности* – система выбранных показателей для оценки траекторий вовлеченности должна корректно описывать траектории в контексте социально-экономического развития региона.

Критерии для оценки социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности декомпозируются на различных уровнях: 1) индивида; 2) работодателя; 3) общества.

На уровне *индивида (микроуровень)* критериями оценки социально-экономической эффективности траектории могут выступать: а) степень удовлетворения потребностей; б) улучшение индивидуального благосостояния, благополучия и качества жизни; в) различные аспекты удовлетворенности (своим здоровьем, системой здравоохранения, системой социального обслуживания, доходами, трудовыми отношениями, социальными контактами, разнообразием и доступностью культурных и социальных мероприятий); г) безопасность (физическая, экономическая и психологическая); д) уровень счастья и/или оптимизма и т.д.

Для *работодателя (микроуровень на уровне организации, мезоуровень на уровне отрасли)* критерии социально-экономической эффективности в первую очередь связаны с экономическими результатами деятельности предприятия или организации. Классическая цель любого бизнеса – максимизация прибыли и минимизация издержек – в контексте траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум может быть дополнена такими критериями, как: а) расширение спроса и предложения на рынке труда за счет вовлечения в трудовые отношения неработающих лиц пенсионного возраста; б) повышение квалификации, надежности и заинтересованности работников старшего возраста; в) степень удовлетворенности работников различными аспектами трудовых отношений (оплата труда, безопасность, выполняемые обязанности и т.д.); г) увеличение покупательской способности лиц старшего поколения за счет роста их дохода благодаря занятости и т.д.

Также для работодателя концепция вовлеченности может рассматриваться в контексте общей системы менеджмента компании, системы менеджмента качества, корпоративной культуры, корпоративной социальной ответственности и формирования лояльности сотрудников к организации через их удовлетворенность условиями труда, уровень интегрированности персонала в процесс труда (в свою деятельность), удовлетворенность корпоративными профессиональными и социальными стандартами, организационный климат, динамику финансовых показателей компании как результата вовлеченности пожилого сотрудника в производственную деятельность. Социально-экономическая эффективность вовлеченности пожилых сотрудников с точки зрения работодателя может быть также оценена с использованием терминов наставничества, передачи опыта, профессионального мастерства, накопленного социального капитала от пожилых сотрудников к более молодым. В этом случае критериями

оценки социально-экономической эффективности вовлеченности пожилых людей для работодателя являются как традиционный показатель «текучесть кадров», так и скорость и качество адаптации молодых работников к рабочему месту, находящие свое отражение в динамике их доходов и карьерном росте.

Немаловажным критерием оценки социально-экономической эффективности вовлеченности пожилых сотрудников с позиций работодателя может быть сравнительная динамика распространения профессиональных заболеваний, травм и несчастных случаев у молодых работников, охваченных (неохваченных) наставничеством, или в коллективах, в составе которых имеются (не имеются) пожилые работники.

Для работодателей эффективность траекторий вовлеченности может быть также определена через индикаторы востребованности на рынке труда: «потенциальную востребованность» со стороны пожилых людей, под которой понимается наличие намерения в форме желания, интереса, и «фактическую востребованность» со стороны пожилых людей, то есть их реальное участие в конкретных мероприятиях и трудовых отношениях.

Для общества (мезоуровень на уровне региона, макроуровень на уровне страны) социально-экономическая эффективность траекторий вовлеченности в регионе оценивается комплексно – как синергетический эффект через: а) увеличение экономического вклада (через увеличение занятости, увеличение самозанятости и развитие предпринимательства в старшем возрасте); б) снижение различий в уровне доходов и потребления у граждан различных возрастных групп; в) социального вклада и социального развития; г) системных эффективных социальных взаимодействий; д) рост потенциала здоровья через увеличение средней продолжительности жизни и увеличение здоровых лет жизни; е) снижение нагрузки на систему здравоохранения и соцобеспечения за счет увеличения продолжительности здоровой жизни, оптимизации расходных обязательств и/или увеличения автономии пожилых людей; ж) внедрение и реализацию принципов активного долголетия; з) рост общественного благополучия и национального благосостояния; и) качество, разнообразие и насыщенность социальной, культурной, спортивной жизни в регионе для граждан всех возрастов и т.д.

Не менее значима социально-экономическая эффективность траекторий вовлеченности пожилых людей в социум для общества, обусловленная повышением взаимного доверия между индивидом и обществом, оценка которого возможна, например, по динамике кооптации⁹ граждан старшего

⁹ Кооптация – инструмент урегулирования конфликта, представляющий собой вовлечение неудовлетворенных сторон в процесс принятия решений.

возраста в органы власти различного уровня (начиная с домовых комитетов, районных советов и проч.). Благодаря вовлечению пожилых граждан в общественно-политическую деятельность, они могут более активно представлять свои интересы и отстаивать принципиально важные для них позиции, в том числе связанные с эффективностью организации различных сторон жизни в местах их проживания, например, касающихся выбора того или иного варианта благоустройства, обсуждения целесообразности нового строительства, организации сбора мусора, очистки тротуаров от снега и льда, работы общественного транспорта, организации социального обслуживания, лекарственного обеспечения и т.д. В этом случае пожилые люди повышают свою «видимость» и репрезентативность в местном социуме, а общество в целом извлекает дополнительные социально-экономические выгоды от расширения представительства пожилых людей в органах власти.

Трудовая активность старшего поколения с позиции индивида, работодателя, общества

Экономике труда посвящено значительное количество исследований, в том числе предметно по старшему поколению. При этом крайне важно предварительно обратить внимание на расширение в нашей стране кризиса трудовой мотивации у работающих граждан в целом. Как отмечает И.В. Соболева, в отличие от большинства европейских стран в системе трудовых ценностей населения РФ первые места занимают не интересная работа и удовлетворение от результатов трудовой деятельности, а высокий заработок и стабильность [17]. Е.А. Косарева и Е.В. Шубенкова полагают, что с мотивационной точки зрения основные факторы вовлеченности в трудовую деятельность старшего поколения в России четко дифференцируются на: 1) экономические, напрямую связанные с материальными трудностями и являющиеся доминирующим стимулом к продолжению трудовой активности (87% опрошенных); 2) социальные (сохранение социально-профессионального статуса, передача опыта, наставничество, сохранение связи с коллективом и обществом в целом) (18% опрошенных); 3) психологические (преодоление депрессии и одиночества) (4% опрошенных) [18].

В то же время трудовая активность является тренировкой интеллектуальной функции, позволяющей отсрочить или уменьшить ухудшение когнитивных способностей, которое обусловлено не столько возрастным фактором старения самого по себе, сколько нетренированностью, незадействованностью человека в жизни и деятельности или в силу ухудшения его здоровья [19].

Анализ трудовой активности граждан старшего возраста по регионам России в разрезе различных возрастных групп проводился, по данным КОУЖ за 2018 г., по трем показателям: 1) наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия (доля ответов «да»); 2) степень удовлетворенности заработной платой (доля ответов «вполне удовлетворен»); 3) степень удовлетворенности выполняемыми обязанностями (доля ответов «вполне удовлетворен»). Данные показатели были отобраны, исходя из максимального количества ответов респондентов в разрезе регионов РФ для оценки неравенства вовлеченности (отношения к трудовой активности) в региональном контексте.

Отметим, что совокупность выбранных показателей не только отображает субъективное восприятие индивидом личной ситуации в сфере труда, но и в значительной мере определяет общую удовлетворенность человека своей жизнью [20].

На *рис. 1* представлен топ-10 российских регионов – лидеров и аутсайдеров по показателю наличия на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия по сравнению со среднероссийским значением данного критерия для разных возрастных групп населения. В центре *рис. 1* приведены примеры регионов, в которых анализируемый показатель максимально близок к среднероссийскому.

Для граждан в возрасте 50–54 года характерны наиболее высокие показатели занятости (на среднем уровне 81,1% по РФ в целом), при этом по регионам полученные данные существенно различаются. Максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в данной возрастной группе составил 57% (от максимума в 94,7% в Москве до 37,8% в Республике Тыва).

Для граждан в возрасте 55–59 лет в целом по РФ характерно заметное снижение (суммарно на 26%) экономической активности по сравнению с более молодыми респондентами (50–54 года). Этот показатель в целом по РФ в данной возрастной группе составляет 55,1%, при этом данные по регионам также сильно различаются. Максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в данной возрастной группе составил 56,7% (от максимума в 80,9% в Санкт-Петербурге до 24,2% в Республике Тыва).

Для граждан в возрасте 60–64 года в целом по РФ характерно продолжение заметного снижения (суммарно еще на 28,8%) экономической активности по сравнению с ближайшей группой более молодых респондентов (55–59 лет), то есть до среднего уровня в 26,3%. Максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в

данной возрастной группе составил 47,7% (от максимума в 54,6% в Магаданской области до 6,9% в Республике Ингушетия).

Для граждан в возрасте 65–69 лет экономическая активность целом по РФ продолжает снижаться до среднего уровня в 12,7% (суммарное снижение еще на 13,5% по сравнению с ближайшей группой более молодых респондентов (60–64 года). Максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в данной возрастной группе составил 38,9% (от максимума в 38,9% в Чукотском автономном округе до нуля в Республике Ингушетия).

Отметим, что курсивом на *рис. 1* выделены те регионы, которые оказывались лидерами или аутсайдерами по трудовой активности граждан различных возрастных групп два и более раз. Наиболее позитивной (с точки зрения субъективных оценок занятости респондентов различного возраста) является ситуация в Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Ленинградской, Магаданской и Сахалинской областях. Наиболее низкие оценки занятости представители различных возрастных групп чаще всего давали в Республике Коми, Чеченской Республике, Ненецком автономном округе, Республике Тыва, Архангельской, Курганской областях, Республике Ингушетия.

Для сохранения наглядности аналогичные значения для граждан еще более старших возрастных групп по регионам России было решено не выносить на *рис. 1*, хотя их анализ по данным КОУЖ – 2018 также был проведен. Он показал, что для граждан в возрасте 70–74 года экономическая активность целом по РФ достигает еще более низких значений, в среднем по РФ она снижается до уровня в 4,9% (суммарно еще на 7,8% по сравнению с ближайшей группой более молодых респондентов (65–69 лет). Максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в данной возрастной группе составил 28% (от максимума в 28% в Чукотском автономном округе до нулевых значений в десяти перечисленных ранее российских регионах).

Для граждан в возрасте 75–79 лет экономическая активность целом по РФ очень низкая, и в целом по РФ она находится в среднем на уровне 1,36%. Наиболее низкие значения трудовой активности граждан в возрасте 75–79 лет (на нулевом уровне) были характерны для 54 регионов РФ. Таким образом, максимальный разрыв в уровне экономической активности по регионам в данной возрастной группе составил 17,6% (от максимума в 17,6% в Республике Саха (Якутия) до нулевых значений в 54 российских регионах).

Удовлетворенность заработной платой работающих граждан старших возрастных групп оценивалась по доле ответов «вполне удовлетворен» к итоговому количеству полученных ответов по вопросу об удовлетворенности заработной платой, уменьшенному на количество ответов типа «затрудняюсь ответить» (рис. 2). В центре рисунка приведены примеры регионов, в которых анализируемый показатель максимально близок к среднероссийскому.

Для граждан в возрасте 50–54 года в целом по РФ характерны самые низкие (по сравнению со средними в других возрастных группах работающих) показатели удовлетворенности заработной платой, они зафиксированы на уровне 34,3%. Максимальный разрыв в степени удовлетворенности заработной платой по регионам РФ в данной возрастной группе составил 50,2% (от максимума в 57,1% в г. Севастополе до 6,9% в Республике Адыгея).

Для граждан в возрасте 55–59 лет в целом по РФ характерны чуть более высокие (в среднем на 4%, чем у работников в возрасте 50–54 лет) оценки степени удовлетворенности заработной платой. Они зафиксированы в среднем по РФ на уровне 38,3%. Максимальный разрыв в степени удовлетворенности заработной платой по регионам РФ в данной возрастной группе составил 71,4% (от максимума в 87,5% в Республике Тыва до 16,1% в Республике Хакасия).

Для граждан в возрасте 60–64 года в целом по РФ характерны еще более высокие (в среднем на 6,4%, чем у работников в возрасте 55–59 лет) оценки степени удовлетворенности заработной платой. Они зафиксированы в этой возрастной группе в среднем по РФ на уровне 44,7%. Здесь так же, как и на рис. 1, выделены те регионы, которые становились лидерами или аутсайдерами по данному критерию более чем у одной возрастной группы респондентов. Наиболее позитивной (с точки зрения субъективных оценок удовлетворенности заработной платой для респондентов различного возраста) является ситуация в Республике Саха (Якутия), Республике Тыва, Ямало-Ненецком автономном округе, Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках. Наиболее низкие оценки удовлетворенности заработной платой представители различных возрастных групп чаще всего давали во Владимирской области, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Адыгея, Алтайском крае.

Удовлетворенность выполняемыми обязанностями у работающих граждан старших возрастных групп оценивалась по доле ответов «вполне удовлетворен» к итоговому количеству полученных ответов по вопросу об удовлетворенности выполняемыми обязанностями, уменьшенному на количество ответов типа «затрудняюсь ответить» (рис. 3). В центре рисунка

приведены примеры регионов, в которых анализируемый показатель максимально близок к среднероссийскому.

Для граждан в возрасте 50–54 года в целом по РФ характерны самые низкие (по сравнению с аналогичными средними значениями в других возрастных группах работающих) показатели удовлетворенности выполняемыми обязанностями. При этом на фоне иных показателей удовлетворенности людей различными аспектами их трудовой деятельности они являются довольно высокими, и зафиксированы на уровне 76,4%. При этом по регионам полученные данные существенно различаются.

Для граждан в возрасте 55–59 лет в целом по РФ характерно небольшое (на 1,5%) повышение показателей удовлетворенности выполняемыми обязанностями по сравнению со смежной возрастной группой в 50–54 года. В среднем они составляют 77,9%. На *рис. 3*, так же как на *рис. 1* и *2*, выделены регионы, которые становились лидерами или аутсайдерами по данному критерию более чем у одной возрастной группы респондентов. Наиболее позитивной (с точки зрения субъективных оценок удовлетворенности выполняемыми обязанностями для респондентов различного возраста) является ситуация в г. Севастополь, Мурманской области, Республике Калмыкия, Курганской области, Республике Саха (Якутия), Амурской, Тульской, Орловской областях, Ямало-Ненецком автономном округе. Наиболее низкие оценки удовлетворенности выполняемыми обязанностями представители различных возрастных групп чаще всего давали в Курской и Калужской областях, Республике Адыгея, Алтайском и Хабаровском краях.

Таким образом, по итогам проведенного анализа можно сделать вывод, что рассматриваемые процессы в региональном разрезе весьма разнонаправленны и не позволяют выделить ни явных лидеров, ни очевидных аутсайдеров по всем трем показателям: доле занятости граждан в различных возрастных группах, их удовлетворенности заработной платой и выполняемыми обязанностями. При этом часто один и тот же регион может быть как в числе лучших, так и худших по оценкам доли занятых граждан старшего возраста или степени удовлетворенности заработной платой или выполняемыми обязанностями.

Эти выводы целесообразно рассматривать совместно с данными о финансовом положении домохозяйств, также представленных в КОУЖ – 2018. Согласно этим данным, даже в самых богатых и благополучных регионах России финансовые затруднения испытывает почти половина домохозяйств, а в регионах с низкой заработной платой (Северный Кавказ, Калмыкия, Брянская область, Алтай и некоторые другие) комфортно в финансовом отношении чувствует себя лишь каждая десятая семья.

Очевидно, что такое положение способствует широкому распространению в российском обществе так называемой «бедности по лишениям», то есть ситуации, когда невозможность удовлетворения ряда важных потребностей приводит к исключению человека или домохозяйства из общепринятого образа жизни, лишает его привычных в данном обществе условий жизнедеятельности [21]. Вполне возможно, что значительная часть решений о продолжении гражданами, перешагнувшими границу трудоспособного возраста, трудовой деятельности может быть объяснена попыткой избежать или смягчить эту исключенность. Важно подчеркнуть, что доля граждан, подтвердивших наличие оплачиваемой работы, с возрастом, безусловно, снижается практически во всех регионах РФ. Однако этот объективный процесс, как показало исследование, влечет за собой растущую степень удовлетворенности как зарплатой, так и выполняемыми обязанностями у тех, кто в старшем возрасте сохраняет трудовую занятость.

Для показателей уровня удовлетворенности заработной платой и выполняемыми обязанностями сложно делать выводы для ряда отдельных регионов в старших возрастных группах – начиная с 70 и 75 лет соответственно. Это объясняется значительным снижением количества респондентов в разрезе регионов, а также увеличением количества пропущенных ответов в старших группах. Однако для старших групп вполне можно оценивать тенденцию на основе средних значений по РФ. Важным является тот факт, что в старших возрастных группах наблюдается рост удовлетворенности как заработной платой, так и выполняемыми обязанностями (рис. 4). При этом степень удовлетворенности выполняемыми обязанностями не просто выше степени удовлетворенности заработной платой для всех возрастных групп работников, но и по мере повышения возраста респондентов достигает максимально возможного значения.

Такие выводы можно объяснить, опираясь на следующие концепции.

1. *Концепция аффекта*, согласно которой удовлетворенность работой (выполняемыми обязанностями и заработной платой) определяется степенью соответствия между притязаниями индивида и объективными характеристиками выполняемой им работы. Так, по мнению Е. Локка, удовлетворенность работой – это функция от оценки соотношения между тем, чего человек хочет от своей работы, и тем, что он получает в реальности [22]. Таким образом, относительно более высокий уровень удовлетворенности выполняемыми обязанностями и заработной платой у пожилых работников может быть вызван различными причинами – от весьма вероятного заниженного уровня притязаний к выполняемым

обязанностям, до, возможно, объективно высокого качества рабочего места, должности и статуса пожилого человека в организации.

2. *Концепция сопоставления затрат и выгод*, согласно которой удовлетворенность работой формируется субъективно оцениваемым соответствием между вкладом работника (его уровнем образования, квалификации, затраченным временем, усилиями) и результатами его трудовой деятельности (заработок и иные материальные и нематериальные выгоды) [23]. Именно поэтому, если предположить, что вклад пожилого работника в деятельность организации не изменяется, а выгоды (связанные с признанием, общением, вовлеченностью в дела организации, а также иные социальные и эмоциональные преференции) с повышением его возраста увеличиваются, то удовлетворенность условиями труда и заработной платой у пожилого работника может быть выше, чем у занятых более молодого возраста.

3. *Теория справедливости Дж. Адамса* [24], согласно которой удовлетворенность человека своей работой зависит от сравнения личной трудовой ситуации с ситуацией других людей. В данном случае сравнение пожилыми людьми себя с более молодыми работниками (у которых заработная плата, как правило, является единственным источником дохода, но при этом на фоне карьерных амбиций или риска увольнения они испытывают повышенный стресс, имеют несовершеннолетних детей, обременены ипотекой, алиментами и т.д.) может привести к тому, что пожилые работники могут быть в большей степени удовлетворены и заработной платой, и выполняемыми обязанностями, чем их более молодые коллеги и знакомые.

В рамках концепции активного старения для европейских стран наравне с повышением индивидуальной ответственности за состояние здоровья также характерно поощрение трудовой занятости в позднем возрасте и противодействие социальному исключению граждан старшего возраста [8]. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ (1 600 чел., 2015 г.), на вопрос «Насколько добросовестно, по мнению большинства окружающих вас людей, пенсионеры относятся к своей работе?» 35% респондентов ответили: «Более добросовестно, чем сорокалетние» и 30% – «Так же добросовестно, как и сорокалетние»¹⁰. Можно предположить, что для рынка труда представители предпенсионного и пенсионного возраста являются такой же значимой когортой, как и более младшее поколение. Однако «...в России социальная политика в отношении пожилых продолжает строиться на уверенности в биологической безусловности и минимизации

¹⁰ Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).
URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1035&q_id=71549&date=26.07.2015

потребностей в старшем возрасте, что порождает и воспроизводит как вертикальные, так и горизонтальные основания неравенства, особенно бедность пожилых» [8].

По данным социологического опроса, проведенного Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ), в Томской области в июле–августе 2019 г. (450 чел. предпенсионного и пенсионного возраста, начиная с 50 лет, квотная выборка, поквартирный опрос) среди мужчин трудоспособного возраста в Томске не работают от 24% в группе 50–54 года до 36% в группе 55–59 лет (рис. 5). С выходом на пенсию продолжают работать 17% мужчин в возрасте 60–72 года и 4% – в возрасте 73 года и старше. Среди женщин предпенсионного возраста (50–54 года) не работают 23%. Каждая вторая женщина в возрасте 55–59 лет продолжает работать (49%). В группе 60–72 года показатель снижается вдвое, однако также остается высоким (26%). В старшем пенсионном возрасте доля женщин, ориентированных на работу, совпадает с показателем в подвыборке мужчин (4%). Среди тех, кто определил свой статус как пенсионер по возрасту, каждый пятый продолжает работать (20%). Среди пенсионеров по другим основаниям работающих людей больше (57%), чем не работающих (43%).

Работающим участникам опроса (37% от общей выборки) были заданы вопросы о трудовой мотивации и характере занятости (рис. 6). Абсолютное большинство из них объяснили свой выбор материальными мотивами (90%). С возрастом значимость этого мотива снижается на фоне роста потребности в общении. Частичная и сезонная занятость распространены намного реже, чем полная занятость – даже в активном пенсионном возрасте работающие пенсионеры в основном заняты полный рабочий день на постоянной основе.

Как известно, важнейшей функцией трудовой мотивации работника (независимо от возраста) является его личное воспроизводство, а также воспроизводство неработающих членов его семьи на социально приемлемом уровне. Именно поэтому удовлетворенность пожилых людей заработной платой необходимо рассматривать и как важный источник удовлетворения их потребностей в материальных и нематериальных благах, в том числе обусловленных особыми потребностями пожилых людей в медицинском и социальном обслуживании. Здесь важно учитывать, например, широко распространенную практику оплаты гражданами медицинских услуг «из своего кармана». В совокупных расходах на здравоохранение доля таких расходов в РФ с 1995 по 2016 г. выросла с 17 до 40% [25].

В то же время трудовая активность человека в любом, особенно в старшем возрасте, является важным элементом личного признания и социального престижа. В связи с этим важно, чтобы пожилые люди имели возможность сохранить не просто занятость в возрасте, выше трудоспособного, но и свою квалифицированную занятость, экономическую активность в статусе, близком или равном пику их профессиональной карьеры.

Для эффективных решений в этой сфере важно преодоление эйджизма в сфере трудовых отношений, в том числе за счет установления формализованных (в том числе количественных) критериев, которым должен соответствовать работник, занимающий ту или иную должность. Хорошим примером здесь являются практики, сложившиеся в научном сообществе, где к настоящему времени сформировались четкие профессиональные требования к той или иной должности, независимо от возраста человека (например, количество статей в журналах определенного уровня, участие в научных исследованиях, подготовка аспирантов и др.).

Если принимать во внимание не только интересы пожилых субъектов трудовых отношений, но и долгосрочную стратегическую перспективу развития экономики и общества, становится очевидным, что занятость, удовлетворенность заработной платой и выполняемыми обязанностями важна не только для индивидов, но и для обеспечения потребности работодателей в рабочей силе надлежащего качества, сохранения и обеспечения отдачи от накопленного человеческого и социального капитала, поддержания конкурентоспособности национальной экономики. Рассматривая данную проблематику как поле не только для пересечения, но и для сочетания интересов различных субъектов трудовых отношений, отметим следующий примечательный факт. В странах с самым «длинным» циклом трудовой активности граждан (например, в Дании, Норвегии, Исландии, Финляндии¹¹), как правило, фиксируется самый высокий индекс счастья¹², важность которого для индивида, работодателя и общества в целом трудно переоценить.

Заключение

На протяжении ряда лет основные идеи о старении населения в нашей стране были акцентированы преимущественно на физическом здоровье пожилых и реформировании пенсионной системы. При этом без должного внимания оставались многие социально-экономические аспекты данной проблематики, в том числе такие вопросы, как оценка ресурсного

¹¹ По данным международного Индекса лучшей жизни ОЭСР. URL: <https://oecdbetterlifeindex.org>

¹² Helliwell J.F., Layard R., Sachs J., De Neve J.-E. New York: Sustainable Development Solutions Network, 2020. World Happiness Report – 2020. URL: <https://worldhappiness.report/>

потенциала старшего поколения, изучение перспектив его активизации и расширение практик вовлечения пожилых людей в региональный социум. При этом отмечаемый исследователями разрыв между «объективными» и «субъективными» оценками уровня и качества жизни граждан старшего возраста говорит о том, что не только состояние здоровья и уровень пенсий (при их безусловной значимости) определяют благополучие пожилых людей в России.

Многообразие подходов к оценке благополучия старшего поколения в данном исследовании реализовано через концепцию ресурсного потенциала. Оценка социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности старшего поколения в региональный социум предполагает применение комплексного подхода через качественное описание количественных показателей, связанных с благополучием и качеством жизни лиц пожилого возраста. Предложенные траектории вовлеченности не являются исчерпывающими и могут модифицироваться в зависимости от целей исследования вовлеченности старшего поколения в региональный социум.

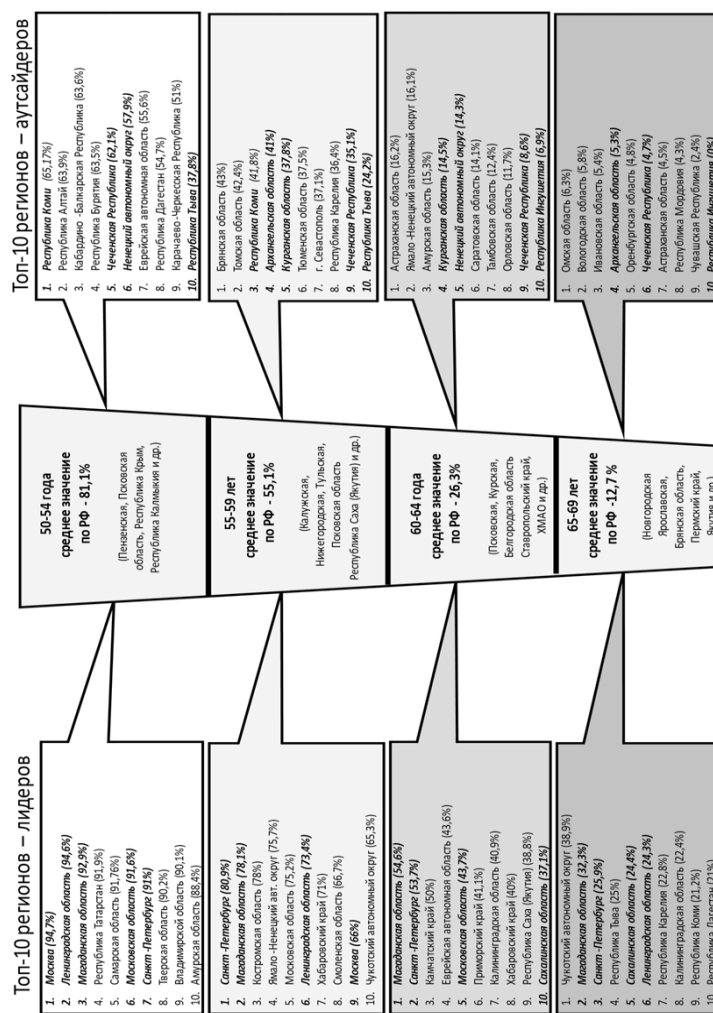
Мы предлагаем комплексно подходить к оценке социально-экономической эффективности анализируемого явления, принимая во внимание ограничения, которые возникают из-за недостатка данных или ограниченных возможностей для проведения специального обследования, в том числе для сбора дополнительных данных. Предложенный нами методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум, предполагающий исследование вовлеченности как процесса перехода от активного трудоспособного состояния к нетрудоспособному с обязательным включением в анализ лиц предпенсионного возраста, расширяет исследовательские возможности, позволяет выйти при изучении данного явления за формальные границы пенсионного возраста.

Рисунок 1

Региональные различия по наличию оплачиваемой работы или доходного занятия у представителей различных возрастных групп в России

Figure 1

Regional differences by availability of paid work or income-bearing activities for representatives of different age groups in Russia

Источник: авторская разработка по данным Росстата

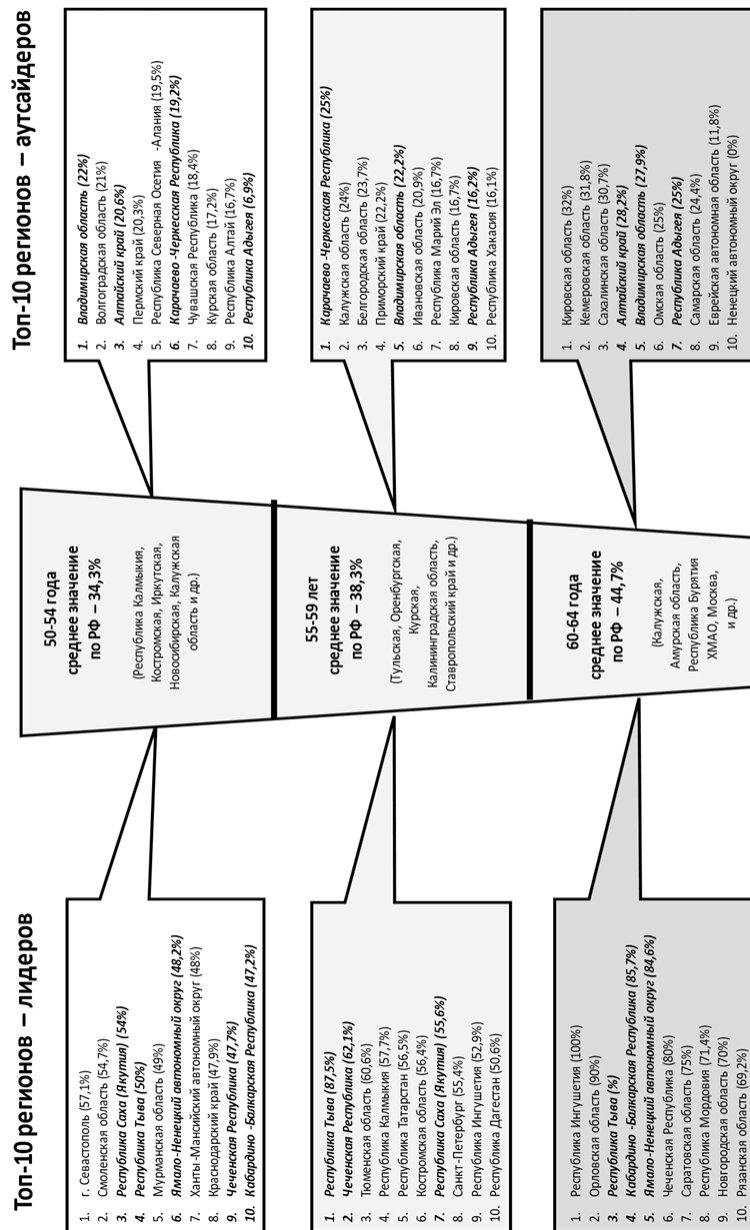
Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data

Рисунок 2

Региональные различия по удовлетворенности заработной платой у представителей различных возрастных групп в России

Figure 2

Regional differences by satisfaction with wages among representatives of different age groups in Russia

Источник: авторская разработка по данным Росстата

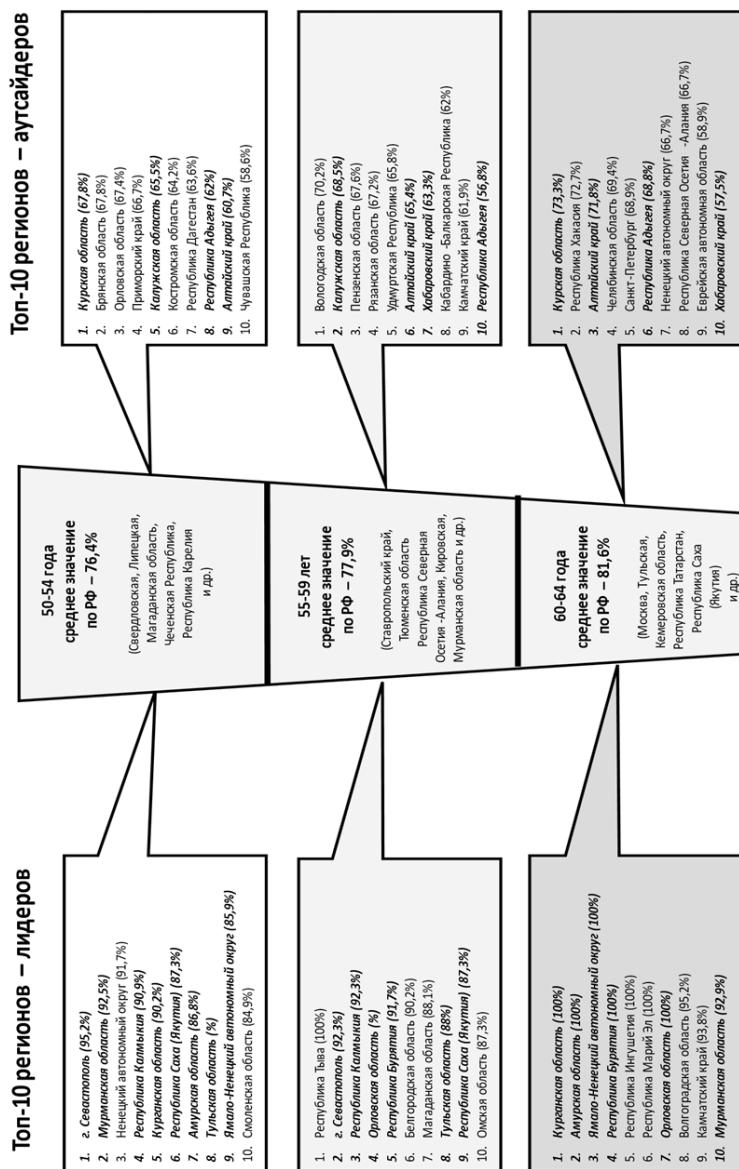
Source: Authoring based the on Federal State Statistics Service data

Рисунок 3

Региональные различия по удовлетворенности выполняемыми обязанностями у представителей различных возрастных групп в России

Figure 3

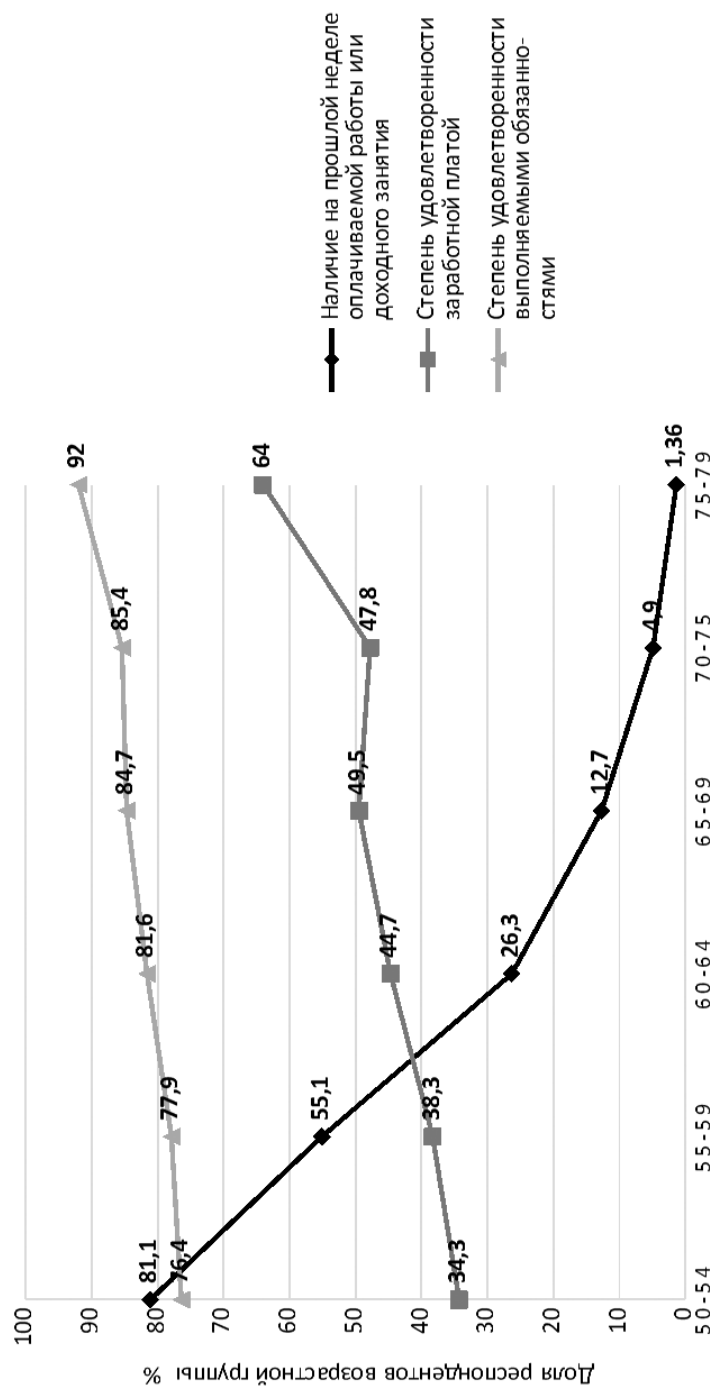
Regional differences by satisfaction with duties among representatives of different age groups in Russia

Источник: авторская разработка по данным Росстата

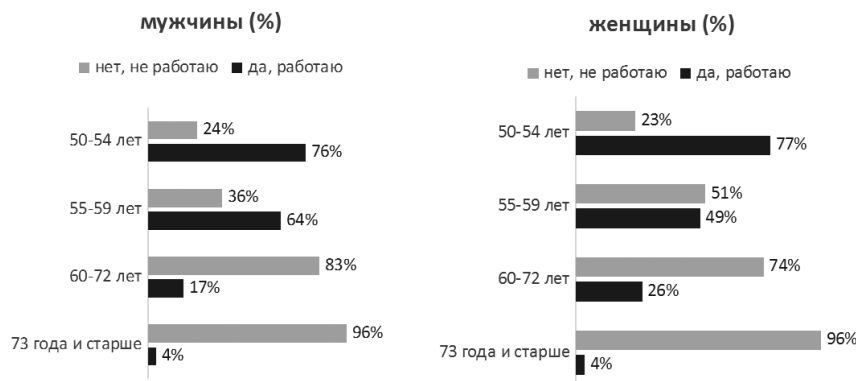
Source: Authoring based on the Federal State Statistics Service data

Рисунок 4
Показатели трудовой активности старшего поколения РФ по возрастным группам
Figure 4
Labor activity indicators of the senior generation of the Russian Federation by age group

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring based the on Federal State Statistics Service data

Рисунок 5**Распределение работающих по полу и возрасту в Томской области, %****Figure 5****Distribution of workers by sex and age in the Tomsk Oblast, percentage**

Источник: авторская разработка по данным Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ)

Source: Authoring based on data of the International Research and Educational Laboratory of Wellbeing Technologies Improvement of Old Persons, Tomsk Polytechnic University

Рисунок 6**Трудовая мотивация работающих людей в возрасте старше 50 лет в Томской области, %****Figure 6****Labor motivation of working people over 50 in the Tomsk Oblast, percentage**

Источник: авторская разработка по данным Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ)

Source: Authoring based on data of the International Research and Educational Laboratory of Wellbeing Technologies Improvement of Old Persons, Tomsk Polytechnic University

Список литературы

1. *Adams K.B., Roberts A.R., Cole M.B.* Changes in activity and interest in the third and fourth age: Associations with health, functioning and depressive symptoms. *Occupational Therapy International*, 2011, vol. 18, no. 1, pp. 4–17. URL: <https://doi.org/10.1002/oti.304>
2. *Jorm A.F., Korten A.E., Christensen H. et al.* Association of obesity with anxiety, depression and emotional well-being: a community survey. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 434–440. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-842X.2003.tb00423.x>
3. *Доброхлеб В.Г.* Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России. Ярославль: Издательский дом «ЛАД», 2004. 234 с.
4. *Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G.* The older generation as a resource for the modernization of Russia. *Sociological Research*, 2014, vol. 53, no. 6, pp. 69–77. URL: <https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154530604.2014.11083001>
5. *Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г.* Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. Т. 61. № 3. С. 20–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starshee-pokolenie-kak-resurs-modernizatsii-rossi/viewer>
6. *Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А.* Факторы и детерминанты взаимодействия поколений в России // Сегодня и завтра российской экономики. 2016. № 6. С. 47–52.
7. *Black K., Dobbs D., Young T.L.* Aging in community: Mobilizing a new paradigm of older adults as a core social resource. *Journal of Applied Gerontology*, 2015, vol. 34, no. 2, pp. 219–243. URL: <https://doi.org/10.1177/0733464812463984>
8. *Григорьева И., Богданова Е.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211. URL: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>
9. *Ежов О.Н.* Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 22–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-zhiznennogo-puti-v-zarubezhnoy-sotsiologii/viewer>
10. *Павлова И.А., Недоспасова О.П.* Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме // Вестник Томского

- государственного университета. 2020. № 456. С. 115–127.
URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/13>
11. *Растворцева С.Н., Фаузер В.В., Задорожный В.Н., Залевский В.А.* Социально-экономическая эффективность регионального развития. М.: Экон-Информ, 2011. 131 с.
 12. *Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О.* Управленческая парадигма XXI века. Т. 1. М.: Изд-во МГИУ, 2002. 168 с.
 13. *Замараева З.П.* Ресурсный потенциал человека при реализации проблемы нуждаемости в социальной защите // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 8–14.
 14. *Григорьева И.А., Келасьев В.Н., Первова И.Л.* Теории социальной работы и реалии социального благополучия: колл. Монография. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 173 с.
 15. *Давыдянц Д.Е.* Критерий, показатели и оценка социально-экономической эффективности // Вопросы статистики. 2002. № 8. С. 73–78.
 16. *Смирнов В.В.* Методика оценки эффективности социально-экономического развития региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 2. С. 25–34. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/4207.pdf
 17. *Соболева И.В.* Воспроизводственная функция заработной платы и трудовая мотивация в современной России // Вопросы политической экономики. 2019. № 3. С. 95–104.
 18. *Косарева Е.А., Шубенкова Е.В.* Качество рабочей силы современных производственных организаций // Нормирование и оплата труда в промышленности. 2015. № 11-12. С. 24–28.
 19. *Леднева С.А., Косарева Е.А.* Использование потенциала представителей старшего демографического возраста в профессиональной деятельности // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 787–798.
URL: <https://doi.org/10.18334/et.6.2.40604>
 20. *Соболева И.В.* Экономическая конъюнктура и субъективные оценки качества занятости // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4. С. 28–32.
 21. *Овчарова Л.Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 267 с.

22. Locke E.A. What is job satisfaction? *Organizational Behavior and Human Performance*, 1969, vol. 4, no. 4, pp. 309–336.
URL: [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90013-0](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90013-0)
23. Sousa-Poza A., Sousa-Poza A.A. Well-being at work: a cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction. *The Journal of Socio-Economics*, 2000, vol. 29, no. 6, pp. 517–538.
URL: [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(00\)00085-8](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(00)00085-8)
24. Adams J.S. Inequity in social exchange. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1965, vol. 2, pp. 267–299.
URL: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60108-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60108-2)
25. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 3. С. 55–69.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Economic Policy of the State

THE METHODOLOGICAL APPROACH TO EVALUATING THE SOCIO-ECONOMIC EFFECTIVENESS OF THE ELDERLY PEOPLE'S INVOLVEMENT INTO THE REGIONAL SOCIETY

Irina A. PAVLOVA ^{a,*},
Ol'ga P. NEDOSPASOVA ^b

^a National Research Tomsk Polytechnic University (TPU),
Tomsk, Russian Federation
iapav@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>

^b National Research Tomsk Polytechnic University (TPU),
Tomsk, Russian Federation
olgaeconomy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 15/2021
Received 14 Jan 2021
Received in revised
form 29 January 2021
Accepted 15 Feb 2021
Available online
15 March 2021

JEL classification: J01,
J11, J14, J24

Keywords: older
generation,
employment,
involvement, labor
activity,
socio-economic
efficiency

Abstract

Subject. The article investigates the socio-economic effectiveness of way the elderly people get involved into the regional society, illustrating labor activity indicators of the Russian regions.

Objectives. We conceptualize, develop and test the methodological approach to evaluating the socio-economic effectiveness of the elderly people's involvement into the regional society from perspectives of an individual, employers, society.

Methods. We applied methods of logic and comparative analysis, systems approach, methods of statistical analysis for microdata on the comprehensive observation of the people's living conditions (Russian State Statistics Service) and data on the elderly generation's employment in the Russian regions.

Results. We sorted trajectories the elderly people get involved into the regional society in terms of resource potential. The article sets forth the methodological approach to study trajectories of the elderly people's involvement into the regional society. We proves the need, possibility and promising nature of the proposed approach to evaluating the socio-economic effectiveness of trajectories of the elderly people's involvement into the regional society from perspectives of an individual, employers and the society.

Conclusions and Relevance. Viewing the transition from the active employment to the retirement and analyzing citizens of the-pre-retirement age, The proposed methodological approach opens new opportunities for research, helps surpass formal limits of the retirement age when studying the phenomenon.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Pavlova I.A., Nedospasova O.P. The Methodological Approach to Evaluating the Socio-Economic Effectiveness of the Elderly People's Involvement into the Regional Society. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 3, pp. 500–537.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.3.500>

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of scientific project № 19-18-00300, *Institutions for Unlocking the Potential of the Senior Generation as Part of the Economics of Aging*.

References

1. Adams K.B., Roberts A.R., Cole M.B. Changes in Activity and Interest in the Third and Fourth Age: Associations with Health, Functioning and Depressive Symptoms. *Occupational Therapy International*, 2011, vol. 18, no. 1, pp. 4–17. URL: <https://doi.org/10.1002/oti.304>
2. Jorm A.F., Korten A.E., Christensen H. et al. Association of Obesity with Anxiety, Depression and Emotional Well-being: A Community Survey. *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 434–440. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-842X.2003.tb00423.x>
3. Dobrokhleb V.G. *Resursnyi potentsial i zanyatost' pozhilykh lyudei v sovremennoi Rossii* [The resource potential and employment of old persons in modern Russia]. Yaroslavl, LAD Publ., 2004, 234 p.
4. Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G. The Older Generation as a Resource for the Modernization of Russia. *Sociological Research*, 2014, vol. 53, no. 6, pp. 69–77.
URL: <https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154530604.2014.11083001>
5. Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G. [Older generation as a resource for modernization of Russia]. *Narodonaselenie = Population*, 2013, vol. 61, no. 3, pp. 20–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starshee-pokolenie-kak-resurs-modernizatsii-rossii/viewer> (In Russ.)
6. Dobrokhleb V.G., Kondakova N.A. [Factors and determinants of the interaction of generations in Russia]. *Segodnya i zavtra rossiiskoi ekonomiki = Today and Tomorrow of the Russian Economy*, 2016, no. 6, pp. 47–52. (In Russ.)
7. Black K., Dobbs D., Young T.L. Aging in Community: Mobilizing a New Paradigm of Older Adults as a Core Social Resource. *Journal of Applied Gerontology*, 2015, vol. 34, no. 2, pp. 219–243.
URL: <https://doi.org/10.1177/0733464812463984>

8. Grigor'eva I., Bogdanova E. The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Zhurnal Sotsialnih Issledovaniy* = *Laboratorium: Journal of Social Research*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 187–211. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>
9. Ezhov O.N. [Life course paradigm in western sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* = *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2005, vol. 8, no. 3, pp. 22–33.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-zhiznennogo-puti-v-zarubezhnoy-sotsiologii/viewer> (In Russ.)
10. Pavlova I.A., Nedospasova O.P. [The resource potential of the older generation: From defining the term to developing recommendations for enhancing its realization in society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State University*, 2020, no. 456, pp. 115–127. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/13>
11. Rastvortseva S.N., Fauzer V.V., Zadorozhnyi V.N., Zalevskii V.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' regional'nogo razvitiya* [Socio-economic efficiency of regional development]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2011, 131 p.
12. Ivanov V.N., Ivanov A.V., Doronin A.O. *Upravlencheskaya paradigma XXI veka. T. 1* [Management paradigm of the 21st century. Vol. 1]. Moscow, Moscow State Industrial University Publ., 2002, 168 p.
13. Zamaraeva Z.P. [Human resource potential in the problem of social protection need]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 8–14. (In Russ.)
14. Grigor'eva I.A., Kelas'ev V.N., Pervova I.L. *Teorii sotsial'noi raboty i realii sotsial'nogo blagopoluchiya: koll. monografiya* [Theories of social work and realities of social welfare: a collective monograph]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012, 173 p.
15. Davydyants D.E. [Criterion, indicators and assessment of socio-economic efficiency]. *Voprosy Statistiki*, 2002, no. 8, pp. 73–78. (In Russ.)
16. Smirnov V.V. [Methods of efficiency estimation of social and economic development of a region]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* = *University Proceedings. Volga Regions. Social Sciences*, 2007, no. 2, pp. 25–34.
URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/4207.pdf (In Russ.)

17. Soboleva I.V. [Reproduction function of wages and work motivation in modern Russia]. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Issues of Political Economy*, 2019, no. 3, pp. 95–104. (In Russ.)
18. Kosareva E.A., Shubenkova E.V. [Quality of the labour force in modern production companies]. *Normirovanie i oplata truda v promyshlennosti = Labor Norming and Remuneration in Industrial Sector*, 2015, no. 11-12, pp. 24–28. (In Russ.)
19. Ledneva S.A., Kosareva E.A. [Using the potential of representatives of the senior demographic age in professional activity]. *Ekonomika truda = Labor Economics*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 787–798. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/et.6.2.40604>
20. Soboleva I.V. [Economic conditions and subjective employment quality assessments]. *Bisnes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2020, no. 4, pp. 28–32. (In Russ.)
21. Ovcharova L.N. *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Factors of Poverty: Russian and International Experience]. Moscow, M-Studio Publ., 2009, 267 p.
22. Locke E.A. What is Job Satisfaction? *Organizational Behavior and Human Performance*, 1969, vol. 4, iss. 4, pp. 309–336.
URL: [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90013-0](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90013-0)
23. Sousa-Poza A., Sousa-Poza A.A. Well-Being at Work: A Cross-National Analysis of the Levels and Determinants of Job Satisfaction. *The Journal of Socio-Economics*, 2000, vol. 29, no. 6, pp. 517–538.
URL: [https://doi.org/10.1016/S1053-5357\(00\)00085-8](https://doi.org/10.1016/S1053-5357(00)00085-8)
24. Adams J.S. Inequity in Social Exchange. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1965, vol. 2, pp. 267–299.
URL: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60108-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60108-2)
25. Soboleva I.V., Chubarova T.V. [Challenges for social policy in Russia: A need for a new model]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic Science of Modern Russia*, 2017, no. 3, pp. 55–69. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.